

Н. С. ЧИЖОВ

*старший преподаватель
кафедра русской и зарубежной литературы
Институт социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»*

**СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИРИКИ ИВАНА ЖДАНОВА
(КНИГА «ВОЗДУХ И ВЕТЕР») В СВЕТЕ АВТОРСКОЙ СТРАТЕГИИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

Ключевые слова: Иван Жданов, лирический герой, субъектная структура, архетип.

Иван Жданов один из тех поэтов, что охотно в интервью и эссеистике рассуждают о своем поэтическом творчестве, пытаются прояснить отдельные его стороны. Такая активность носит программный характер: в предисловии к диалогу-комментарию собственных пятнадцати стихотворений поэт следующим образом определяет смысл данного опыта: «Отсутствие культурного контекста, а точнее, его ублюдочное состояние может и занять место почвы конкретного произведения. Тогда произведение вынуждено само строить себе подходящую почву. В этом-то и смысл данного диалога-комментария» [Жданов, Шатуновский 1998, 7].

В плане изучения субъектной структуры лирики Жданова особый интерес представляет эссе, посвященное памяти Е. Блажеевского, в котором поэт поднимает проблему лирического героя. Он указывает, что для их поколения творчество поэтов Серебряного века выступало как образец «невиданной эстетической и этической силы», где каждый из них «выстраивал свою биографию в своем

письме не менее как житие». Обращение к лирическому герою по примеру старших поэтов, обладавших «даром несомненности своей жизни», согласно автору книги «Воздух и ветер», «в сложившейся исторической ситуации» было невозможно, поскольку «ограниченный (вполне самодостаточный) мир», омываемый «сокрушительными стихиями», неизменно проступал бы «как непредусмотренная ржа» на облике субъекта. Те же, кто сохранял в творчестве «по традиции <...> приверженность к лирическому герою», по мысли поэта, вынуждены были либо раствориться в тотальной рефлексии, неизбежно перерастающей «в уныние, в нудьбу, нытье», либо сделать вид, что ничего не происходит, и не впускать в лирический мир «реальную историческую шизофрению, нелепость и абсурдность частной жизни» [Жданов 2014, 50-51].

Проблема лирического героя, поставленная Иваном Ждановым в начале творческого пути, является отражением общего «кризиса субъектности» [Житенев 2012, 97], отчетливо проявившегося в неподцензурной поэзии 1970-1980 годов. А. А. Житенев фиксирует отголоски данного кризиса «уже в эссеистике первой и второй волн эмиграции» [Там же, 75] и определяет в качестве первоначального эстетического сдвига, приведшего к смене парадигмы в субъектной сфере, — «переосмысление тезиса о тождестве личности и слова» [Там же, 76]. На данные изменения, подспудно наметившиеся в творчестве некоторых больших поэтов Серебряного века, указывала Л. Я. Гинзбург: Пастернак «в период работы над книгой «Поверх барьеров» отказался от романтического обоснования своего лиризма образом лирического героя» [Гинзбург 1997, 323], а у Мандельштама в ранний период его творчества «личность поэта не была средоточием поэтического мира» [Там же, 335]. Стремление к ревизии модернистского наследия, «недоверие к реальности, отчужденное отношение к скрытым в ней возможностям» [Житенев 2012, 76] привели поэтов последней четверти XX в. к «окончательному отказу от такой трактовки текста, в центре которого непременно находится личность автора, трансцендирующая и себя и мир» [Там же, 101]. К похожему выводу приходит А. М. Уланов, рассматривающий современную поэзию в аспекте отказа «от идеи

самовыражения, вообще — описания авторских переживаний» [Уланов 2012, 4].

В случае Ивана Жданова отсутствие онтологической самодостаточности своего существования, которую возможно было утверждать в творчестве, привело его к пониманию поэзии как феномена, имеющего «отношение к освидетельствованию, к нахождению равновесия между частным существованием и общей историей» [Жданов 1998, 6]. В силу этого он полемически схематизирует исторические подвиги в отечественной поэзии и фиксирует у себя смещение с преимущественно психологического переживания, основанного на биографическом опыте и характерного для его предшественников, на осмысление как бы с внесубъектных философских позиций проблем бытия и места в нем человека. В этом плане знаменательно рассуждение поэта о процессе создания поэтических произведений, высказанное в интервью Д. Бавильскому: «Поэтому и получается так, что каждое стихотворение или ряд стихотворений у нас были связаны с какой-либо проблемой или темой, которая переживается (это же нужно не *просто осмыслить*, но *еще и пережить*) и достаточно много в себя вбирает. Потому и невозможно писать слишком много» [Дойти до полного предела, URL: <http://topos.ru/article/1181>].

Рассмотрим, как реализуется данная установка на субъектном уровне стихотворных текстов, включенных поэтом в книгу «Воздух и ветер» (2005 г.). Стихотворений с формой высказывания от «я» в книге насчитывается 30%, что существенно меньше аналогичного среднего показателя, согласно подсчетам С. Н. Бройтмана, по текстам поэтов Серебряного века — 43,7%. Отчетливо выраженной личностно-биографической мотивировки в этих случаях не прослеживается, едва ли не единственным исключением являются тексты, посвященные умершим близким родственникам поэта, которые С. М. Козлова справедливо объединяет в «мемориальный цикл» («Крещение», «Портрет отца», «Гора», «Оранта», «Памяти сестры»). Применяемый исследователем архетипический подход К. Юнга к данной группе текстов, раскрывающий воплощение феномена коллективного бессознательного в поэтических образах,

определяющих «тип поведения и сознания личности» [Козлова 2002, 149] автора, весьма продуктивен. На возможность такого подхода указывал сам Иван Жданов, когда в интервью В. Тихонову отмечал, что бытие современного человека «стало нуждаться в каком-то глубоком оправдании», поэтому для достижения устойчивости необходимо «уйти в то, что предшествовало этому бытию, в <...> такие планы, как *бессознательное, мифологическое*» [Тихонов, URL: <http://www.filgrad.ru/texts/zdanov8.htm>]. Архетип Божественного младенца, как показала С. М. Козлова, опосредованно выражает комплекс психологических характеристик личности автора, растворенных в образной ткани его стихотворений. Например, божественный младенец в «Крещении», с точки зрения ученого, означает «потаенное предчувствие будущей славы поэта», а также «некую первую и последнюю истину, не стареющую и не умирающую» [Козлова 2002, 150], к осуществлению которой он стремится. Образ младенца-великана появляется в стихотворении «Гора», посвященном памяти брата поэта, погибшего в Великую Отечественную войну под Ленинградом: «Гора над моей деревней: возле нее погреться/память не прочь, как будто — это коровий бок./С вершины этой горы видно другое детство/или, верней, преддетство, замысел между строк» [Жданов 2006, 126]. Смысл лексемы «преддетство» в структуре стихотворного текста раскрывается в двух аспектах: в индивидуально-авторском как «биографический факт» названия родителями поэта именем погибшего его старшего брата. В символическом аспекте «преддетство означает ту предвечность», где еще только лишь может реализоваться «замысел будущего события» [Козлова 2002, 156], представленного в виде воскресения старшего брата в младшем.

Перенос акцента «с собственной личности на собственное бытие» [Тихонов, URL: <http://www.filgrad.ru/texts/zdanov8.htm>] и бытие мира выводит на первый план в стихотворных текстах И. Жданова такие субъектные формы выражения авторского сознания, как лирическое «я» и повествователь. Одна из этих форм в конкретном тексте выступает в качестве основного субъекта речи, но далеко не всегда единственного, поскольку для поэзии

исследуемого автора характерна принципиальная мена лирических субъектов в пределах одного стихотворного текста, в некоторых случаях переходящая в субъектную вариативность и множественность. В качестве примера проанализируем с данных позиций текст «Когда неясен грех, дороже нет вины...».

Лирический субъект фиксирует состояние неясности возникшего у него греха, соотносящегося с разрывом связи с небом, звездами, а значит, и с Богом, что определяет «рассогласованность миропорядка» [Жданов, Шатуновский 1998, 66]: «Когда неясен грех, дороже нет вины —/и звезды смотрят вверх и снизу не видны./Они глядят со стороны на нас, когда мы в страхе...». Из дальнейшей рефлексии субъекта речи становится ясно, что причиной возникновения чувства греха является онтологическая разобщенность между людьми: «Они глядят со стороны, колючий сея свет,/и он проходит полость рук, разомкнутых в обиде,/и возвращается назад, но звезд на месте нет». Но, несмотря на данное понимание, лирический субъект не знает, «как в сердце черном возродить любовь или тревогу», потому что он исходит из того, что «боль неясную унять, понятно только» звездам, а как «приручить» последние, «известно только Богу». Другими словами, субъект пытается уйти от прямой ответственности за происходящее, ссылаясь на ограниченность своих сил перед метафизическими обстоятельствами, потому-то и стоят «мы» «перед небом», «как перед собой».

Противовесом такого осознания проблемы является попытка посмотреть на себя со стороны (понять источник своего греха), возможная в аксиологии И. Жданова только посредством совести: «И кто — скажите мне — хоть раз подняться выше смог,/чтобы увидеть, как течет не отсвет по карнизу,/не тень ручная по стене, а вне лица упрек?». В конце стихотворения возникает именно такая ситуация: субъект занимает внешнежизненно активную позицию, аналогичную позиции звезд и Создателя, что обусловлено восприятием мира в сущностном его состоянии, и смотрит на себя со стороны как на «другого»: «И снег проходит нагишом, невидим и неслышим, и продолжается полет давно умерших птиц,/и, заменяя звездный свет, упрек плывет по крышам,/и я не чувствую тебя, и страх

живет вне лиц» [Жданов 2006, 61]. Позицию «я» в данном высказывании можно рассматривать, с одной стороны, как отношение того, кто находится внутри ситуации, то есть на земле, в этом случае можно говорить о совмещении двух интенций одного и того же лирического субъекта. Однако, с другой стороны, разрыв между «я» и другим («ты»), представленный отсутствием чувственной связи между ними, может восприниматься как прямое высказывание, или как интенция внежизненно активного субъекта, потому что его восприятие, обусловленное сущностными характеристиками, теряет эмоционально-личностную направленность. Такая вариативность призвана показать сложность и онтологичность ситуации, требующей рассмотрения ее с различных субъектных плоскостей. Позиционное перемещение субъекта не приводит к качественным изменениям во внутреннем мире стихотворения: он, как и раньше, констатирует потерю связи с Богом, знаком которой являются зафиксированные им сущностные состояния страха и упрека, замещаемые «звездный свет» единства между человеком и небом. Примечательно, что в другой редакции текста (например, в диалог-комментарии пятнадцати стихотворений И. Жданова) субъект, наравне с упреком и страхом, видит и свет звезд (ср.: «и замечая звездный свет...» [Жданов, Шатуновский 1998, 63]), выступающий знаком восстановления данной онтологической связи.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) Лирика Ивана Жданова направлена на выражение принципиальной установки, получившей в рефлексии автора название «освидетельствование», которое предполагает осмысление в широком философском плане проблем бытия.

2) На субъектном уровне данная установка определяет преобладание таких форм выражения авторского сознания, как лирическое «я» и повествователь. Через эти формы, в отличие от лирического героя, достигается выход к более широкому обобщению, необходимому для освидетельствования и превращения субъекта в один из рядоположенных факторов стихийного синкретизма вселенского космоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — М., 1997. — 408 с.
2. Дойти до полного предела. Иван Жданов отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского // Топос [Электронный ресурс]. URL: <http://topos.ru/article/1181>.
3. Жданов И. Ф. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии / И. Ф. Жданов. — М., 2006. — 176 с.
4. Жданов И. Диалог-комментарий пятнадцати стихотворений Ивана Жданова / И. Жданов, М. Шатуновский. — М, 1998. — 88 с.
5. Жданов И. Ф. Беззащитное мужество Евгения Блажеевского / И. Ф. Жданов // Культура Алтайского края. — 2014. — № 1 (13). — С. 50-53.
6. Житенев А. А. Поэзия неомодернизма / А. А. Житенев. — СПб., 2012. — 480 с.
7. Козлова С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Жданова / С. М. Козлова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. — Вып. 4: Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. — Томск, 2002. — С. 149-166.
8. Тихонов В. Иван Жданов: «Шила в Москве не утаишь». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filgrad.ru/texts/zdanov8.htm>.
9. Уланов А. Общие места / А. Уланов // Вопросы литературы. — 2012. — № 3. — С. 3-14.